

*Михайлова Полина Александровна, студент 4 курс, философский факультет,
МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва*

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА МЫШЛЕНИЯ О СЕБЕ У ПРИМАТОВ В ОНТОГЕНЕЗЕ И ФИЛОГЕНЕЗЕ

Аннотация: Статья посвящена проблеме генезиса мышления о себе у приматов как истока рефлексивности. Анализируются исследовательские материалы, демонстрирующие наличие или отсутствие зачатков мышления о себе у приматов: работы Д. Гудолл, В. Кёлера, Н. Ладыгиной-Котс, а также опубликованные результаты наиболее известных в мире экспериментов с шимпанзе (например, эксперимент У. Келлога, воспитывавшего своего ребёнка вместе с детёнышем обезьяны). В статье рассматриваются как индивидуальный уровень развития особи, онтогенез, так и филогенез приматов. Акценты расставляются на методологических и философских аспектах данной проблематики.

Ключевые слова: мышление о себе, рефлексия, философия, генезис, приматы, онтогенез, филогенез.

Annotation: The article is dedicated to the problem of primate self-thinking development as a reflexivity origin. The research material illustrates the presence or absence of primate self-thinking rudiments. The works of J. Gudoll, W. Koeller, N. Ladygyna-Kots and the published results of the most world famous experiments with chimpanzee (for example, the experiment of W. Kellogg, who was raising his child with a monkey) are analyzed. Primate ontogeny and phylogeny are considered in the article. The focus is placed on the methodological and philosophical aspects of this topic.

Keywords: self-thinking, reflection, philosophy, genesis, primates, ontogeny,

phylogeny.

Введение

Философия рефлексивна. По мере своего развития она наращивает порядки рефлексии. Истоком рефлексивности в философии можно считать генезис мышления человека о себе.

Исследование генезиса мышления о себе предполагает обращение к ранним стадиям человеческого онтогенеза и филогенеза. Со всеми оговорками, если следовать дарвиновской или синтетической теории эволюции, такое исследование отсылает к становлению вида *homo sapiens*, что, в свою очередь, подразумевает изучение поведенческих особенностей, развития и нервной системы не только человека, но и высших приматов – шимпанзе.

В результате приматологической революции 30-х годов XX века было реализовано множество исследований, направленных на выявление различных когнитивных особенностей приматов, в том числе и зачатков мышления о себе. Стоит выделить труды В. Кёлера, Гудолл, русского этолога Н. Ладыгиной-Котс. Работе с вышеупомянутым исследовательским материалом и анализу возникновения зачатков мышления о себе у приматов будет посвящена данная статья. Предлагается проследить возникновение зачатков мышления о себе у высших приматов на разных уровнях развития. В первой части статьи будет рассмотрено индивидуальное развитие особи (онтогенез), во второй части будет дан филогенетический срез возникновения зачатков мышления о себе у приматов в процессе очеловечивания, гоминизации.

В рамках настоящей работы представляется важным сосредоточиться именно на философских аспектах данной проблематики, однако это невозможно сделать без пристального внимания ко всем остальным. Одним из основополагающих вопросов именно философского характера является вопрос о том, зачем человеку на ранних стадиях его эволюционного развития понадобилось задействовать мышление о себе, где и для чего оно задействовалось на первичных этапах своего возникновения и формирования.

Следует также сказать несколько слов о методологии нашего исследования, которое является исследованием исследований – то есть принадлежит к так называемому второму порядку. Выявление зачатков мышления о себе у обезьян связано с несколькими фундаментальными методологическими проблемами. Среди таких проблем особенно яркими являются проблема отбора внутренних и внешних признаков, по которым исследователь может судить о мышлении о себе у обезьяны, а также вопрос о чистоте эксперимента, который почти с неизбежностью подразумевает искусственное создание «сложных» экспериментальных ситуаций.

По отношению к мышлению о себе остаются справедливыми слова Гессе: «...Нет ничего, что меньше поддавалось бы слову и одновременно больше нуждалось бы в том, чтобы людям открывали на это глаза, чем кое-какие вещи, существование которых нельзя ни доказать, ни считать вероятным» [3].

Возникновение зачатков мышления о себе у приматов в онтогенезе

В 30-е годы XX века приматологическая революция в науке оформила приматологию как дисциплину, отдельную от физиологии и зоологии. Это было связано не только с подъёмом дарвинизма и выходом трудов, направленных на сравнение организмов обезьяны и человека и выявление их генетической связи, но и с интересом учёных самых различных направлений к самим приматам. Знаменосцами приматологической революции стали Кёлер, Ладыгина-Котс, Йеркс, Павлов. Именно к периоду их работы относятся наиболее противоречивые и самые известные эксперименты, позволившие новоиспечённой науке, приматологии, по-новому взглянуть на обезьян, обнаружив у них в числе прочих особенностей зачатки мышления о себе.

Исследовательский бум в результате повышения интереса биологов, этологов, приматологов, психологов и антропологов к мышлению обезьян, произошедший во второй половине XX века после приматологической революции, связан, в первую очередь, с онтогенетическим изучением шимпанзе. Большинство фундаментальных трудов в приматологии (в том числе и работы Кёлера, Гудолл, Ладыгиной-Котс) были написаны в результате исследования

отдельных особей обезьян и прослеживания их индивидуального развития.

Выявление зачатков мышления о себе у обезьян связано с несколькими фундаментальными методологическими проблемами.

Одна из главных проблем, с которой сталкивались как упомянутые ранее, так и прочие исследователи – проблема отбора признаков выявления зачатков мышления о себе у обезьян. До сих пор не было детально задокументировано ни одного эксперимента, который бы полностью основывался на применении техник электроэнцефалографии или других способах регистрации внутренней активности обезьян. Исследователь может судить о наличии у обезьяны зачатков мышления о себе преимущественно по *внешним* проявлениям. Если это так, то последнее с неизбежностью вскрывает ещё один пласт проблематики: каким образом исследователь может отобрать из всего многообразия внешне фиксируемого поведения обезьяны только те признаки, которые, на его взгляд, подтверждают или опровергают его гипотезу? Каждый исследователь находил индивидуальный ответ на этот вопрос, что и обусловило такую пестроту и оригинальность экспериментов с обезьянами в приматологии и психологии. Одни из самых распространённых «кандидатов» во внешние признаки мышления о себе у обезьян – узнавание себя в зеркале; применение в играх приёмов, подразумевающих фокусировку на себе и «знание о своём знании» (сокрытие за спиной предметов от сородичей; передача эстафеты одному сородичу, чтобы другой не видел и т.п.).

Другой проблемой, которая так или иначе встаёт практически перед каждым исследователем, является известная проблема чистоты эксперимента. Большинство методов европейской науки (оформившейся в тот период, который принято называть Новым временем) подходят к изучению объектов природы как к судебному процессу, а конкретнее – процессу пыточному. Объект исследования вынуждают что-то «рассказывать» о себе, несмотря на его возможные «возражения» [11]. Казалось бы, даже при самом аккуратном «спрашивании», таком, как наблюдение – предмет исследования всё равно ставят в какие-то конкретные условия, при которых он может нужным для

исследователя образом себя проявить. Возвращаясь к проблеме чистоты эксперимента в изучении обезьян, стоит отметить, что за всю историю приматологии, обезьяны овладевали различными описанными сложносоставными навыками лишь в искусственно поставленных людьми экспериментальных условиях. Первая обезьяна, которая научилась общаться на языке жестов ASL, известная как Уошо, в рамках экспериментов в Университете Вашингтона, могла показывать жестами не только свои желания: «Хочу есть», «В клетке не убрано», но и самостоятельно, без соответствующего обучения, конструировала оскорбления (при этом использовала «понятия», относящиеся к нижней части своего тела, например, обозначала испражнения). Однако более чем за полвека наблюдений за шимпанзе в дикой природе, приматы никогда не демонстрировали подобного в своей естественной среде обитания. «...Дальнейшие опыты имеют своей общей целью создать ситуации, в которых возможное решение будет более сложным» [5], – пишет Кёлер в своих «Исследованиях...». Тем не менее, исследовательская попытка выявления у шимпанзе зачатков мышления о себе не подразумевает искусственного создания «сложных» экспериментальных ситуаций [8], за исключением, пожалуй, лишь одного эксперимента, результаты которого у Лакана получают название «стадия зеркала» [9] – опыта с зеркалом, в котором на животное (первоначально – на собаку, а затем на детёныша шимпанзе) или младенца наносилась цветная метка.

Артикулировав некоторые проблемы, которые влечёт за собой попытка выявления у шимпанзе зачатков мышления о себе, обратимся к анализу исследовательских материалов.

Когда в 1936 году Лакан представил на 14-м Международном психоаналитическом конгрессе свою концепцию, называемую им «стадией зеркала», он был убеждён, что только ребёнок человека может (и начинает на определённой стадии) проявлять интерес к узнаванию себя в зеркале: дети могут проводить сравнительно долгое время за «рассматриванием» себя, а у детёнышей шимпанзе, напротив, увлечённость быстро угасает. Более поздние эксперименты с приматами показали, что и они способны не только узнавать, но

и проявлять интерес к взаимодействию со своим отражением. Это, например, «зеркальный тест» 1970 года психолога Гэллапа. Тест показал, что обезьяны (и многие другие животные, такие как вороны, собаки и даже муравьи (только эти насекомые прошли «зеркальный тест»)) способны распознать цветную метку на своём лице и осуществить действия по её устранению: манипуляции не со своим отражением, а со своим телом. Однако, всё же мнение Лакана подтвердилось: обезьяны не проявляют такого интереса к рассматриванию себя в зеркале, как человек, хотя и способны узнавать себя.

Разнообразные варианты «зеркальных тестов» проводились в основном с особями на ранних стадиях развития: детёнышами шимпанзе. Исходя из большинства исследований психологов (например, упомянутого теста Гэллапа) и приматологов, стоит сделать вывод, что внешние признаки осознания детёнышами обезьян себя гораздо сильнее проявляются именно на *ранних* стадиях онтогенеза (то есть до трёхлетнего-четырёхлетнего возраста особи), а впоследствии постепенно угасают. Именно поэтому в контексте исследований высших приматов возможно говорить лишь о наличии у них зачатков мышления о себе.

Однако и те исследования (в первую очередь, зеркальные тесты), в которых участвовали детёныши шимпанзе младше полугодового возраста, не приходили к результатам, схожих с результатами тестов, сделанных двумя-тремя годами позднее. Так, у проявления, по крайней мере, анализируемых нами внешних признаков зачатков мышления о себе у приматов, можно заметить некие границы, как низшую, так и высшую: интенсивность проявления признаков мышления о себе невысока как в до-полугодовом возрасте особей, так и у обезьян, старше трёх-четырёх лет.

Данный тезис подтверждает и знаменитый далеко за пределами науки эксперимент У. Келлога, воспитывавшего своего ребёнка вместе с детёнышем шимпанзе. Сначала обезьяна развивалась быстрее человеческого малыша, Дональда (могла копировать жестыкуляцию людей; а также в большей степени, чем Дональд, демонстрировала то, что мы можем назвать

«сообразительностью»: быстрее решала задачи, требующие сиюминутного эффективного решения – например, могла достать печенье из печи палкой, в то время как Дональд пытался сделать это руками и несколько раз обжигал их; быстрее узнавала себя в зеркале). Потом (когда малышам исполнилось 4 года) это развитие быстро прекратилось.

Обращаясь к исследованиям Ладыгиной-Котс, можно попытаться проследить причины того, почему зачатки мышления о себе у приматов «угасают» в раннем возрасте, так и не найдя своего развития. Путь ответа на этот вопрос, предположительно, лежит в плоскости подражания и *слияния* с опекающим объектом, свойственных шимпанзе. В сравнительной таблице поведения младенца и детёныша шимпанзе в пунктах [6] «Инстинкт самоподдержания. Уход за собой», «Инстинкт собственности» и «Инстинкт подражания» Ладыгина-Котс замечает следующее. На *ранних* стадиях онтогенеза детёныши шимпанзе гораздо более человечески склонны к перенесению проводимых с ними гигиенических процедур и различных болевых ощущений, в то время как человек «противодействует лечению» с самых ранних лет [6]. Также детёныши шимпанзе склонны «эмоционально солидаризироваться» [6] с объектами в их окружении (с человеком, которого в экспериментах Ладыгиной-Котс детёныш воспринимал как родителя, и сверстниками), то есть сливаться со средой в подражании звукам и эмоциям тех, кто находится рядом. Однако, возможно, причины этого лежат за пределами онтогенеза приматов.

Возникновение зачатков мышления о себе у приматов в филогенезе

В данной части статьи будет дан филогенетический срез возникновения у приматов зачатков мышления о себе. Бергсон в «Двух источниках морали и религии» пишет: «В то время как сущность животного представляется сосредоточенной в единственном качестве, его индивидуальность, можно сказать, растворяется в роде» [2].

В период приматологического поворота немецкий психолог и зоопсихолог В. Кёлер доказал способность человекообразных обезьян (сегодня зоологи

выделяют надсемейство человекообразных обезьян. На русском языке этот термин начал фигурировать в советской научной литературе и, в первую очередь, связан с документацией исследований Кёлера, а также Ладыгиной-Котс. В состав этого надсемейства включены два семейства: гоминиды (данному семейству принадлежит человек, *homo sapiens*) и гиббоновые)) выходить за рамки рефлекторного поведения и осуществлять действия, основанные на мышлении [5]. Выявленные Кёлером сходства в поведении обезьяны и человека не помешали ему прийти к разделению, на котором некоторые приматологические и антропологические концепции базируются и по сей день: у человека мышление абстрактно-логическое, а у обезьяны – конкретно-чувственное, хотя и не без зачатков предыдущего.

Само такое разделение может быть оспорено, а границы между набором доступных исследователю внешних проявлений абстрактно-логического и конкретно-чувственного мышления названы гибкими и подвижными. Однако эта дифференциация интересна тем, что позволяет заострить внимание на том, что мышление приматов (а особенно зачатки мышления о себе) связано, как правило, с конкретной ситуацией, в которой особи находятся. Такими ситуациями могут быть как передача эстафеты в игре или прочие игровые приёмы, которые предполагают осознание собственного знания (и не-осведомления о нём других особей (например, детёныш шимпанзе прячет за своей спиной кожуру банана, следуя за другим детёнышем по направлению к канаве. Когда другой детёныш подходит к воде, тот подкладывает на его путь кожуру, и ждёт, как первый свалится в канаву. Затем действие повторяется, причём детёныши меняются позициями в игре и используют другие предметы, например, ветку)), так и снятие увиденной в зеркале цветной метки со своего тела во время прохождения зеркального теста.

Наблюдение за тем, что мышление приматов связано, как правило, с конкретной ситуацией, в которой особи находятся, делает возможным предположение о том, что на ранних этапах своего формирования мышление о себе не имело для приматов решающей эволюционной функции, а стало иметь

таковую лишь при переходе от примата к человеку – постепенной гоминизации, очеловечивания. Иными словами, можно допустить, что для человека на ранних стадиях развития мышление о себе имело значение для выживаемости вида, в то время как для приматов оно являлось лишь дополнением, некоей способностью, применение которой могло осуществляться в таких нецентральных для выживаемости вида практиках, как, например, игра.

Отсюда вытекает ряд вопросов. Первый – были ли возможны какие-либо способы передачи способности мышления о себе, кроме генетических. Речь идёт, например, о семантической (по принципу «делай, как я») и символической (по принципу «ознакомься с данным носителем», а не «делай, как я») трансляции. Здесь прослеживаются две различные исследовательские позиции. Согласно одной точке зрения, в живой природе опыт отдельных «умных», «способных» особей, мыслящих о себе в большей степени, чем остальные – обычно умирает вместе с ними. Животные могут передавать информацию о своём научении только с помощью условных рефлексов – генетическим путём. Согласно второй позиции, это может происходить ещё и с помощью семантической трансляции: в экспериментах по обучению шимпанзе Уошо языку ASL, было замечено, как обезьяна обучала жестам своего детёныша, а в особенности жестам, описывающим состояния «себя» в данный момент времени: таким как «я хочу есть», «я недовольна», «это я», «я».

Второй важнейший вопрос, который связан с утверждением значимости для человека (примата, вставшего на путь гоминизации) мышления о себе на ранних стадиях филогенеза: зачем человеку на ранних стадиях его эволюционного развития понадобилось задействовать мышление о себе, где и для чего оно задействовалось на первичных этапах своего возникновения и формирования. Некоторые исследователи в рамках ответа на этот вопрос говорят о смене среды обитания. Путь очеловечивания наших общих с шимпанзе предков мог начаться с того, что, перестав строить гнёзда на деревьях, приматы спустились на землю, где их ожидало гораздо больше опасностей: крупных животных, нестабильности климата и почвы. Защита от хищников была тем

эффективней, чем больше члены группы общались между собой. В контексте этого мы можем говорить не только об истоках возникновения языка (более абстрагированный язык понадобился, чтобы говорить и о прошлом, и о будущем – не только о настоящем), но и о формировании зачатков мышления о себе: распределение ролей в группе для обеспечения безопасности стало иметь гораздо более весомое значение. Такое распределение не было возможным без мышления особей о себе, выделения себя. Выражаясь фразеологизмом Вальтера Беньямина, можно сказать, что возникновение у приматов зачатков мышления о себе в филогенетическом срезе вполне может быть связано со «вспышкой в момент опасности» [1], опасности, которой подвергается (и систематически стала подвергаться со сменой среды обитания или при других обстоятельствах) не единичная особь, а группа.

Зачатки мышления о себе у приматов до гоминизации – совсем не то мышление о себе, которое стало формироваться у человека. Именно люди стали использовать эту способность не постольку, поскольку им необходимо было передать эстафету в игре, научить своего детёныша «удить» (отлавливать для употребления в пищу) термитов по принципу «делай, как я» – а для реализации гораздо большего спектра целей, в некоторых случаях вовсе не утилитарных. Человек способен *овнешнить* ставший внутренним на определённом этапе филогенеза, интериоризированный, диалог «с собой». Именно у человека происходит скачок в развитии мышления о себе. Поиск причин этого скачка – многоплановая исследовательская задача.

Заключение

Анализ разнообразного исследовательского материала этологов, зоопсихологов и приматологов, позволяет говорить о том, что далеко не все учёные исходили из определённого набора внешних признаков, по которым можно судить о наличии или отсутствии зачатков мышления о себе у приматов. Зачастую комплекс этих признаков определялся каждым исследователем в отдельности, что методологически затрудняет, в свою очередь, задачу соответствующей аналитической работы.

Рассмотрение генезиса мышления о себе (как у приматов, так и у человека; как на уровне онтогенеза, так и на уровне филогенеза) необходимо начинать с постановки уместных вопросов. Вопрос о внешних признаках, по которым можно судить о наличии или отсутствии зачатков мышления о себе у обезьяны – только один из них. Среди прочих можно выделить и другие проблемные поля. Когда начинается онтогенез? Насколько возможно «очистить» эксперимент и избежать поведения обезьяны, обусловленного влиянием экспериментатора, поведения, нехарактерного для подобных особей в дикой природе? На каких основаниях отдельный исследователь может высказывать утверждения, касающиеся филогенеза приматов или человека? Все эти вопросы, хотя и были затронуты в настоящей статье, несомненно, нуждаются в дальнейшем рассмотрении.

Генезис мышления о себе – безостановочный и длящийся не одно тысячелетие процесс, изучение которого является нетривиальной исследовательской задачей.

Библиографический список:

1. Бенъямин В. Девять работ. М., 2019.
2. Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994.
3. Гессе Г. Избранное. М., 1984.
4. Гудолл Д. В тени человека. М., 2020.
5. Кёлер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930.
6. Ладыгина-Котс Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. М., 1935.
7. Ладыгина-Котс Н. Исследование познавательных способностей шимпанзе. М., 1923.
8. Ладыгина-Котс Н. Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе). М., 1959.
9. Лакан Ж. Я в теории Фрейда и в технике психоанализа. М., 1999.

10. Фрейд З. Художник и фантазирование (сборник работ). М., 1995.
11. Latour B. When things strike back: a possible contribution of «science studies» to the social sciences. // British J. of Sociology. 2000. № 1.